

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Карнеев Родион Рафаэлевич

**Проблема пересборки субъекта
как способ его реконцептуализации**

5.7.1. Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2023

Диссертация выполнена на кафедре онтологии и теории познания философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный руководитель:

Кузнецов Василий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент

Официальные оппоненты:

Антоновский Александр Юрьевич, доктор философских наук, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии;

Косыхин Виталий Георгиевич, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», заведующий кафедрой философии и методологии науки философского факультета;

Гаспарян Диана Эдиковна, кандидат философских наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор, главный научный сотрудник Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук.

Защита диссертации состоится «6» декабря 2023 г. в 17:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/057.1/2729>.

Автореферат разослан «__» _____ 2023 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

Е.В. Брызгалина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования

Диссертационное исследование посвящено современному переосмыслению проблемы субъекта. Проблема субъекта, его осмысления и переосмысления так или иначе оказывается актуальной для философии, начиная с Нового времени, когда впервые был поставлен вопрос о субъекте как философской категории¹. В современной философии актуализируется тенденция к разнообразным попыткам реконцептуализации субъекта² – выстраиваются проекты тех концепций, которые предлагают вернуться к концепту субъекта. Соответственно, возникает вопрос о том, как возможно выстраивать концепт субъекта, несмотря на предыдущую критику данного концепта. Термин «реконцептуализация» в данном случае предлагается как своего рода маркер, призванный обобщить различные стратегии работы с концептом субъекта в рамках современной философии, *восстанавливающие* субъекта. Гипотезой нашего исследования является следующая: ведущим способом реконцептуализации субъекта в современной философии является *пересборка*. Термин *пересборка* в данном случае предлагается для рассмотрения субъекта как сложного комплекса (например человека, организации, научного сообщества и т.д.), который может перестраиваться самостоятельно или под действием внешних сил, и объединяет в себе разнообразные психо-нейро-физиологические процессы и механизмы с различными социокультурными ресурсами и инструментами, которые были интериоризированы в процессе внешнего воздействия на субъекта. Примером такого рода внешнего воздействия может служить интерпелляция³.

История концептуализаций субъекта показывает, что они развивались

¹ Здесь мы ссылаемся на исследования Фуко, который указал на «картезианский момент», как момент возникновения субъекта (подробней см. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007.) и на исследования Аристотеля, предпринятые Р. Барагом (Brague R. Aristote et la question du monde: essai sur le contexte cosmologique et anthropologique de l'ontologie, Paris: PUF, 1988), указывающие на то, что у Аристотеля отсутствовал концепт субъекта, но он в нём нуждался.

² Карнеев Р. Деконцептуализация и реконцептуализация субъективности в работах М. Фуко // Социально-психологические вызовы современного общества. Проблемы. Перспективы. Пути развития. Брянск: Издательство БГУ, 2017, 167-173. Кузнецов В. Пересборка субъектов и проблема развития // Философия науки и техники, Том 22 (№2), 2017, с. 148-156.

³ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2011., № 3., с. 14–58.

путём принятия всё новых и новых контекстов существования субъекта: властные отношения, социально-экономические детерминации, языковые игры, исторический контекст. Речь идет не просто о влиянии этих контекстов, а о том, как трактуется это влияние, т.е. каким образом контексты формируют, определяют, конституируют, образуют субъекта. Менялись различные линии концептуализации в зависимости от целей и задач конкретной теории. Более того, некоторые подходы (которые мы будем называть деконцептуализацией субъекта) отказывались от концепта субъекта, сводя последнего только к внешним контекстам его существования.

Термин «пересборка» заимствуется нами у Б. Латура⁴, в проекте которого означает способ рассмотрения «социального» не как чего-то *уже* собранного и устойчивого, а как процесса конституирования «социального», разложения его на многочисленные компоненты и элементы (подробней см. главу 2 параграф 2.7. настоящей диссертации). Латур пересматривает процесс конструирования социального и исследует как самостоятельную проблему. Латур предлагает термин для переосмысления «социального», субъект же, в свою очередь, является тоже одним из компонентов социального. Соответственно, по аналогии с тем, как Латур рассматривает социальное, мы рассматриваем субъекта не как *уже* собранное и устойчивое образование, а как системный эффект множества компонентов и элементов, могущих пересобираться. «Пересборка» субъекта, в данном случае, является зонтичным термином для описания в рамках современной философии совокупности ведущих способов реконцептуализации субъекта. Хотя и остаётся не до конца понятным, каким именно конкретным образом субъект в каждом конкретном случае собирается и пересобирается, эти ведущие подходы как раз и представляют субъекта как сложное образование, которое является результатом различных процессов в онто- и филогенезе, способное пересобирать себя из различных элементов и компонентов самостоятельно или под воздействием внешних сил.

Однако исследований, непосредственно обращающихся к проблеме пересборки субъекта, в контексте реконцептуализации, где субъект

⁴ Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики, 2014.

пересобирает самого себя и может быть пересобран другими субъектам, внешними силами, пока проделано не было. Именно поэтому наше исследование разворачивается в этом контексте и направленно на критический анализ тех вопросов и приёмов обоснования, которые характерны для современных реконцептуализаций субъекта в перспективе выявления «общих мест» между заявленными реконцептуализациями и построения новой концептуализации субъекта.

Реконцептуализация исторически связана с двумя другими проектами: проект субъекта классической философии и проект неклассической философии по деконцептуализации классической трактовки субъекта.

Классическая нововременная концепция субъекта является выражением устремлений и притязаний этой эпохи. Субъект рассматривается как, с одной стороны, субъект эмпирический, то есть человек. Но, с другой стороны – как субъект трансцендентальный, который в Новое время мыслился надындивидуальным, соответственно, безличным, рациональным и вневременным. Субъект представляет активное «Я», противостоящее пассивному объекту, миру, доступному для познания субъектом. Деятельность субъекта мыслилась, в первую очередь, как деятельность познавательная, поэтому субъект оказывался адекватно оснащённым для целей познания. Парадигмальным примером классической нововременной концептуализации субъекта является трансцендентальный субъект. Трансцендентальный субъект – носитель общезначимых структур, которые позволяли эмпирическому субъекту (человеку, «я» с маленькой буквы) быть носителем возможности познания и нравственности. В трансцендентальном субъекте воплощалось всеобщее – субъект оказывался не просто человеком, который смертен, зависим от различных внешних обстоятельств, а надындивидуальной сущностью, которая, в пределе, лежит вне данного мира и даёт субъекту доступ к истинному познанию мира: «Рассудок не черпает свои законы (*a priori*) из природы, а предписывает их ей»⁵.

⁵ Кант И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. Критика чистого разума. М: Мысль, 1995., с. 140.

В рамках такой схемы отношения между субъектом и объектом являлись асимметричными. Объект оказывался в подчиненном положении. Такой тип философствования К.Мейясу называет «корреляционизмом»⁶.

Таким образом, в рамках классической философии говорилось о существовании субъект-объектной дихотомии, где оба полюса взаимопредполагали друг друга. Эти два полюса, с одной стороны, зависят друг от друга, то есть, существуют не независимо; но, с другой стороны, их статус от их взаимодействия никак не меняется – как бы субъект ни действовал на объект, или как бы объект ни действовал на субъект, субъект остаётся субъектом, а объект – объектом. Субъект Нового времени обладал свободой, мыслился как носитель морального закона, носитель возможности познания. Следствием такой концептуализации субъекта стала программа Просвещения, где субъект понимался как самостоятельно ищущий истину, самостоятельно действующий и самостоятельно несущий ответственность за свои действия. Однако последующие исторические события, научные революции, войны, заставили следующие поколения мыслителей отказаться от классической концептуализации субъекта. Программа Просвещения привела не к тем следствиям, которые ожидалось. Всё это в совокупности привело к ситуации *деконцептуализации субъекта*. Были замечены определённого рода объективные факторы, детерминирующие субъекта и в пределе сводящие его к объекту. В рамках классической концептуализации субъекта эти факторы не считались значительными, они не отменяли и не изменяли субъекта в качестве субъекта. Проект *деконцептуализации субъекта* обращает внимание на систематические влияющие на субъекта объективные силы, которые, в пределе, сводят его к объекту. В неклассической философии детрансцендентализированный субъект получает «телесное воплощение, бессознательное, он получает желания, становится конечным, уязвимым, смертным, тогда как к вневременному и всеобщему трансцендентальному субъекту такие характеристики неприложимы»⁷. Субъекта перестают

⁶ Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екб., М.: Кабинетный учёный, 2015., с. 11.

⁷ Сокулер З. Субъективность, язык и Другой. Новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эммануэля Левинаса. М.: Университетская книга, 2016., с. 77.

представлять как целостную, завершённую и чистую структуру.

Ключевыми персонажами данного перехода можно назвать, вслед за Фуко⁸, Ницше, Фрейда и Маркса. Они заметили и описали объективные структуры, которые, влияя на субъекта систематически, могут детерминировать его субъектность. В рамках проекта деконцептуализации возникает, на наш взгляд, нерешаемая проблема. Ведь если последовательно проводить программу деконцептуализации, то это в пределе предполагает полный отказ от субъекта. В таком случае оказывается нерешённым вопрос: кому именно вменяется ответственность?

Реконцептуализация субъекта генеалогически является продолжением проектов и классической концептуализации субъекта, и неклассической его деконцептуализации. Проект реконцептуализации стремится переосмыслить классический концепт субъекта, одновременно учитывая критику проекта деконцептуализации субъекта. Поэтому несмотря на то, что оба проекта критикуют классическое понимание субъекта, тем не менее, они преследуют разные цели: проект деконцептуализации субъекта отказывается от концепта субъекта, а проект реконцептуализации предлагает вернуться к нему в переосмысленном виде.

Соответственно, *проблемой* данного диссертационного исследования является следующая: каким образом возможно мыслить субъект, несмотря на критику, предложенную проектом деконцептуализации субъекта?

Одной из самых перспективных стратегий решения этой проблемы является *пересборка субъекта*.

Степень разработанности темы исследования

Проблеме субъекта, в том числе проблеме переосмысления субъекта, посвящены большие массивы философской литературы, как классической, так и современной⁹. Однако проблема реконцептуализации в этом смысле не совпадает с классической проблемой субъекта (это будет рассмотрено в главе 1). В рамках проекта *реконцептуализации* происходит возвращение к

⁸ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр, 1994, № 2. С. 7–8.

необходимости концептуализировать субъекта не на классических основаниях. В этом смысле нашей задачей является выявление проблемного поля проекта реконцептуализации субъекта: описание тенденций, концепций, контекста работы данного проекта.

Проблеме переосмысления субъекта посвящен широкий круг работ, которые, не пользуясь термином «реконцептуализация», занимаются схожими по духу исследованиями; в первую очередь это А. Бадью¹⁰, Дж. Батлер¹¹, В. Декомб¹², С. Жижек¹³, Б. Латур¹⁴, К. Мейясу¹⁵, Э. Левинас¹⁶, Ж.-Л. Марион¹⁷, П. Рикёр¹⁸, Р. Негарестани¹⁹, М. Фуко²⁰, Ж. Лакан²¹, Ж.-М. Вапперо²², К. Шмидт²³, Б. Финк²⁴, Р. Бернет²⁵, А. Рено²⁶, Е. Косилова²⁷.

Важно отметить, что современная концептуализация субъекта возникает в прямом взаимодействии с контекстом его существования/пересборки. Пересборка субъекта предполагает существование определённых социокультурных компонентов, из которых он может пересобиаться как самостоятельно, так и под влиянием других субъектов или внешних объективных процессов. Для описания контекстов концептуализаций субъекта нами заимствованы важные для нашей работы понятия и историко-философские сюжеты, которые разрабатывались в работах Ж.-М. Шеффера²⁸,

¹⁰ Badiou A. L'être et évènement. Paris: Éditions du Seuil, 1988.

¹¹ Батлер Д. Психика власти: теория субъекции. СПб.: Алетейя, 2002.

¹² Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

¹³ Жижек С. Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014

¹⁴ Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики, 2014.

¹⁵ Мейясу К. Имманентность потустороннего Мира. URL: <https://syg.ma/@nikita-archipov/kvientin-mieijas-immmanentnost-potustoronniegho-mira>.

¹⁶ Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. СПб.: Университетская книга, 2000.

¹⁷ Марион Ж.-Л. Это, или наделённый собой. М.: РИПОЛ Классик, 2019.

¹⁸ Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы., 2008.

¹⁹ Негарестани, Р. Работа нечеловеческого // Логос. — 2021. — Т. 31, No 3. — С. 1–38.

²⁰ Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.

²¹ Lacan J. Le séminaire, Livre IX: L'identification, Paris, Éd. du Piranha, 1981.

²² Vappereau J.-M. Noeud: La théorie du nœud esquissée par J. Lacan, Paris, Topologie en Extension, 1998.

²³ Schmidt C. Postsubjectivity. Subjectivity after its different ends, Jerusalem, 2012.

²⁴ Fink B. The lacanian subject, Princenton: Princenton Press, 1996.

²⁵ Бернет Р. Травмированный субъект // (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за её пределами. М.: Академический проект, 2017., с. 123-145.

²⁶ Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб.: «Владимир Даль», 2002.

²⁷ Косилова Е. Парадигмы субъектности. СПб.: Алетейя, 2021.

²⁸ Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: НЛО, 2010.

М. Мамардашвили, Э. Соловьёва, В. Швырёва²⁹, З. Сокулер³⁰, Д. Узланера³¹, А. Ветушинского³², П. Слотердайка³³, В. Стёпина³⁴, В. Кузнецова³⁵, Р. Брайдогги³⁶, Т. Асада³⁷, Ч. Тейлора³⁸, Ю. Хабермаса³⁹, Т. Дэвиса⁴⁰.

Цель исследования

Данное диссертационное исследование ставит своей целью рассмотреть проблему реконструкции изменений, происходящих с современными концептуализациями субъекта, в ситуации реконцептуализации субъекта. Концепт пересборки субъекта, на наш взгляд, выступает наиболее показательным примером тех изменений и способов реконцептуализации субъекта, которые происходят в современной философии. Концептуальный анализ произошедших и происходящих изменений в оптике рассмотрения субъекта предполагает в нашем исследовании анализ различных способов тематизации и проблематизации субъекта в современной философии посредством реконцептуализации.

Задачи исследования

Достижение поставленной цели диссертационного исследования предполагает решение следующих *задач*:

- 1) реконструировать историю концептуализаций субъекта от классических проектов к современным;
- 2) рассмотреть тенденции современных философских проектов, которые преодолевают линию деконцептуализации субъекта, в связи с тем, что

²⁹ Мамардашвили М., Соловьёв Э., Швырёв В. Классическая и современная буржуазная философия [Опыт эпистемологического сопоставления] // Философия философии. Тексты философии. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012.

³⁰ Сокулер З. Субъективность, язык и Другой. Новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эммануэля Левинаса. М.: Университетская книга, 2016.

³¹ Узланер Д. Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

³² Ветушинский А. Во имя материи: критические и метафизические исследования. Пермь : Гиле Пресс, 2018.

³³ Слотердаик П. Критика цинического разума. Екб.: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009.

³⁴ Степин В. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009.

³⁵ Кузнецов В. Единство мира в постнеклассической перспективе. М.: ИОИ, 2016.

³⁶ Брайдогги Р. Постчеловек. М.: Логос, 2021.

³⁷ Асад Т. Возникновение секулярного. Христианство, ислам, модерность. М.: Новое Литературное Обозрение, 2020.

³⁸ Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017.

³⁹ Habermas J. Religion in the Public Sphere European Journal of Philosophy. 2006. Vol. 14. No. 1. P. 16.

⁴⁰ Davies T. Humanism, London: Routledge, 1997.

последовательная линия деконцептуализации приводит к отрицанию ответственности субъекта;

- 3) рассмотреть в качестве предполагаемых решений различные варианты концепций пересборки субъекта (на примерах работах Жижека, Бадью, Левинаса, Брайдотти);
- 4) продемонстрировать конституирующую роль внешнего социокультурного контекста для субъективации в рамках проекта реконцептуализации субъекта;
- 5) показать, что восстановление концепта субъекта невозможно без признания его ответственности, которая требует признания возможности субъекта «пересобрать» самого себя, т.е. изменять сборки, произведённые внешними воздействиями.

Реализации этих задач соответствуют три главы настоящей работы. Первая глава посвящена решению первой и второй задачи, а оставшиеся две главы – третьей, четвёртой и пятой задачам.

Объект и предмет исследования

Объект исследования – совокупность стратегий реконцептуализации субъекта в рамках современной философии.

Предмет исследования – различные версии пересборки субъекта в современных стратегиях реконцептуализации субъекта.

Научная новизна исследования

- выявлены три стратегии работы с концептом субъекта: трактовка субъекта классической философией, деконцептуализация субъекта (критика классического концепта субъекта) и реконцептуализация субъекта (переосмысление концепта субъекта на новых, не классических основаниях);
- введён термин «реконцептуализация» для обозначения стратегии в современной философии, когда продолжать линию деконцептуализации субъекта не представляется возможным, поскольку последовательно проведённая линия деконцептуализации приводит к невозможности вменения ответственности субъекту. С разных сторон и по разным

мотивам различные мыслители приходят к необходимости вернуться к рассмотрению концепта субъекта и переосмыслению его не на тех основаниях, на которых он осмыслялся в рамках классической философии, и эту тенденцию можно поименовать «реконцептуализацией»;

- показано, что во всех перспективных направлениях субъект представляется в виде комплекса многообразных компонентов, которые могут пересобираться, то есть связываться иным способом, перекомпоновываться самостоятельным образом или под действием внешних сил; для обозначения этой тенденции используется термин «пересборка»;
- субъект рассматривается проектом реконцептуализации субъекта не эссенциалистски, не как выделенная сущность, а как системный эффект в комплексе отношений при отсутствии центра этой конфигурации; благодаря этому эффекту пересборка становится возможна.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость нашего диссертационного исследования связана с критическим реконструированием самого проекта реконцептуализации субъекта: его прояснением, описанием, выявлением общих предпосылок и тенденций современной философской мысли по поводу субъекта. Это позволяет по-новому взглянуть на философскую историю концептуализаций субъекта. Выявлен и проанализирован один из базовых способов реконцептуализации субъекта в рамках современной философии – пересборка субъекта, когда субъект действия рассматривается как сложное онто- и филогенетическое образование, которое может перепрограммировать и пересобирать самого себя самостоятельно или под воздействием внешних сил. Субъект может быть пересобран по разным линиям сборки/пересборки: в зависимости от того, по какой конкретно линии мы осуществляем разборку, можно получить разные компоненты, по которым субъекта можно пересобирать. И это продолжающийся процесс, ведь отсутствует нечто центрирующее – субъект представляет сеть многообразных компонентов, которые, однако, поддерживают друг друга в результате системного эффекта. Именно это является одним из главных

оснований выбора концепций субъекта, рассматриваемых в настоящем исследовании. Получается, что концепции сходны друг с другом, что, в свою очередь, значит, что мы можем выделить определённые общие черты в рамках концептуальных построений рассматриваемых в данной работе философов. Тремя основными чертами являются: формирование субъекта в результате определённых внешних влияний, возможность «пересобрать» себя и отсутствие центрального ядра субъекта, который предположительно организовывал бы субъектность субъекта.

Практическая значимость настоящего диссертационного исследования связана с тем, что его результаты могут быть использованы для чтения лекций по философии, онтологии и теории познания, а также для создания специальных курсов по исследованиям проблемы субъекта, его деконцептуализации и реконцептуализации в рамках современной философии. Такая концептуализация субъекта может быть значимой для онтологических, этических, политических исследований, где важным оказывается «сохранение» субъекта в свете предполагаемой ответственности за поступки – несмотря на то, что субъект формируется благодаря внешним контекстам и субъектам, он, тем не менее, способен действовать самостоятельно и независимо.

Методологическая основа исследования

Наш подход к проблеме субъекта и ее истории ориентирован на предложенные Делезом и Гваттари концептуальные средства, а именно, мы будем использовать термин «концепт»⁴¹. В исследовании концепта субъекта нас будет интересовать определённая идейная и проблемная констелляция: «...любой концепт с конечным числом составляющих разветвляется на другие концепты, иначе составленные, но образующие разные зоны одного и того же плана, отвечающие на взаимно совместимые проблемы, участвующие в сотворчестве. Концепту требуется не просто проблема, ради которой он реорганизует или заменяет прежние концепты, но целый перекрёсток проблем, где он соединяется с другими, сосуществующими концептами»⁴². Итак,

⁴¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2008., с. 28.

⁴² Там же, с. 24.

концепты имеют собственную историю и включены в проблемное поле эпохи – с помощью этого допущения мы анализируем определённые социокультурные компоненты формирования концепта субъекта в рамках различных проектов его концептуализации. К тому же мы используем методологическую рамку, заданную Мамардашвили, Швырёвым, Соловьёвым в статье «Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления)»⁴³, для анализа исторического и концептуального контекста осуществления различных способов концептуализации субъекта.

В качестве методологии настоящего исследования используются также принцип историзма. Согласно принципу историзма, концепт субъекта исследуется в его исторической генеалогии, чтобы понять предпосылки современных проблем и необходимости вернуться к данному концепту переосмыслив его. Одновременно исторический подход требует введения определенного историко-философского контекста в рассмотрение способов концептуализации субъекта. Рассматривается зависимость концепции субъекта от общефилософского настроения эпох его концептуализации. Мы выделяем три стратегии концептуализации концепта субъекта, которые представлены множеством эмпирически различимых фактических режимов существования (например, текстов, действий и высказываний). Соответственно, концептуализациями субъекта предполагается множество различных режимов сборки и пересборки концептуального аппарата, который позволяет понять, как субъект может пересобрать себя, т. е. предполагается, что субъект может пересобрать себя самостоятельно и во взаимодействии с другими субъектами, внешними контекстами. Такого рода сборки и пересборки в разных версиях, предлагаемые разными мыслителями, оказываются заметными в свете исторического подхода, когда мы на конкретном историческом материале показываем, какие философские, научные, политические, этические, эстетические предпосылки имело то или иное понимание концепта субъекта. В связи с этим мы разделим способы концептуализации субъекта на три:

⁴³ Мамардашвили М., Соловьёв Э., Швырёв В. Классическая и современная буржуазная философия [Опыт эпистемологического сопоставления] // Философия философии. Тексты философии. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012.

классическое формирование концепта субъекта, неклассическую деконцептуализацию субъекта и постнеклассическую реконцептуализацию.

Положения, выносимые на защиту

1. Тенденция в современной философии на возвращение к концепту субъекта может быть названа «реконцептуализацией», в рамках которой продолжать линию деконцептуализации субъекта не представляется возможным, поскольку последовательно проведённая линия деконцептуализации приводит к невозможности вменения ответственности субъекту.
2. Основным способом реконцептуализации субъекта оказывается пересборка: субъект представляет собой сложное многокомпонентное образование, которое может быть перестроено самостоятельным действием или воздействием внешних сил; сохраняется возможность субъекта признавать свою ответственность.
3. Субъект рассматривается проектом реконцептуализации субъекта не эссенциалистски, не как отдельная сущность, а как сложный системный эффект, возникающий в процессе пересборки при отсутствии автономного, постоянного и неизменного центра этого процесса.
4. Возникновение субъекта рассматривается как Событие – спонтанный разрыв порядка сборки, в результате которого субъект становится субъектом, т.е. актором, способным к самостоятельному действию и принимающим на себя ответственность.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается принятой методологией, соответствием содержания работы её теме, наукометрическими показателями статей, в которых были опубликованы материалы диссертации, а также опорой на обширный круг исследовательской литературы в различных областях знания.

Основные положения и выводы исследования были изложены в 5 научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

университете имени М.В. Ломоносова.

Диссертация прошла обсуждение на кафедре онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и получила положительное заключение. Основные результаты диссертационного исследования и возможности их теоретического применения в различных предметных областях были апробированы в качестве докладов на следующих конференциях:

- 1) Всероссийская научная конференция «Философия перед лицом новых цивилизационных вызовов» (4–5 февраля 2022 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет).
- 2) Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «ГУСЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2022: Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики» (11–12 апреля 2022 г., Москва, МГПУ).
- 3) III международная научно-практическая конференция «Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации (DCCD'22)» (29 марта – 5 апреля 2022 г., Москва, МГПУ).
- 4) Ежегодная конференция кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ «Актуальные проблемы онтологии и теории познания – 2021» (16 октября 2021 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трёх глав, разбитых на 5-10 параграфов, заключения и библиографии. Полный объём диссертации составляет 238 страницы текста. Библиография содержит 202 наименования.

Настоящее диссертационное исследование реконструирует тенденции возвращения к концепту субъекта в современной философии и объединяет их под термином «реконцептуализация». Это невозможно было бы сделать, предварительно не прояснив, что такое проблема субъекта, каков контекст возникновения проекта его реконцептуализации и что представляют два других проекта трактовки субъекта. Поэтому в **первой главе** рассматриваются два исторически предшествующих проекта концептуализации субъекта: классический новоевропейский проект концептуализации субъекта и проект его деконцептуализации неклассической философией. **Во второй главе** указывается на характерные черты реконцептуализации субъекта как проекта, преодолевающего классическую концептуализацию субъекта и его деконцептуализацию. Предлагается посмотреть на проблему реконцептуализации с точки зрения проблемы пересборки. Последняя появилась вследствие попыток выстроить новое понимание субъекта, предположив, что субъект может пересобираться самостоятельно и благодаря внешнему влиянию других субъектов или сил/контекстов. Наконец, **в третьей главе** рассматриваются различные способы сборки/пересборки и представления субъекта проекта реконцептуализации субъекта на примере конкретных концепций Бадью, Жижека, Мейясу, Лакана. Брайдотти; показывается принципиальная роль концепта События в рамках конструирования субъекта.

В первом параграфе первой главы предлагаются различные термины для описания концепта субъекта: сам субъект, субъектность и субъективность. Под субъектностью мы понимаем то, что делает субъекта субъектом. Субъективность же оказывается качеством, отличающим конкретных субъектов

в их индивидуальных особенностях восприятия, что фиксировалось в классической философии в концепции вторичных качеств, которые необязательно делают субъекта субъектом. Исходя из этого впоследствии задаётся проблема субъекта (каким образом возможно мыслить субъект, несмотря на критику, предложенную проектом деконцептуализации?) и способ последующего рассмотрения данного концепта.

Во втором параграфе первой главы рассматривается необходимость концепта субъекта для философии Нового времени. Мы, вслед за В. Декомбом и Р. Брагом, утверждаем, что концепт субъекта до Нового времени не существовал. Однако необходимость понятия о том, кто способен вопрошать о самом себе, явственно ощущалась. Для этого мы обращаемся к анализу Р. Брагом текстов Аристотеля, благодаря которому показывается, что вопрос о субъекте в корпусе аристотелевских текстов присутствует в имплицитном виде, но эксплицитно не ставится. Согласно Р. Брагу, Аристотель в своей этике опускает вопрос о том, что значит быть самим собой, хоть вопрос о том, что значит подпадать под более общее понятие, например понятие «человек», присутствует у древнегреческого философа.

В третьем параграфе первой главы разбирается то, что представляла классическая нововременная философия. Нашей целью является указание на конкретный контекст формирования классического нововременного понимания субъекта. Для этого мы используем тот концептуальный аппарат, который был разработан в рамках концепции разделения философии на классическую и неклассическую М. Мамардашвили, Э. Соловьёвым, В. Швырёвым. В рамках классической нововременной философии субъект-объектное отношение оказывается непроблематичным – субъект, элиминируя личные субъективные качества, рациональным образом познаёт противостоящий ему объект. Субъект рассматривался в терминах деятельности, а объект – в терминах бездеятельности, пассивности. Мир, объект, рассматривался как рационально постижимая структура, как внеличный порядок. Субъект был наделен определёнными способностями для познания противостоящего ему мира –

именно Бог дал ему необходимые средства для познания мира.

В четвёртом параграфе первой главы рассматривается фукольдианский концепт «картезианского момента». Под «картезианским моментом» подразумевается момент образования субъекта в его классическом философском понимании, в рамках которого, согласно М. Фуко, происходит переход от концепта «заботы о себе» к концепту «познай самого себя». С этим переходом, как утверждает Фуко, связано формирование классического нововременного концепта. «Картезианский момент» обозначает не некоторую отдельную точку в рамках картографии различных концептуализаций субъекта, а включает в себя констелляцию интеллектуальных способов постановки проблемы субъекта. Фуко указывает на то, что принцип «познай самого себя», в отличие от «заботы о себе», не ставит под вопрос бытие вопрошающего – истина становится самоочевидна, нужно лишь найти к ней путь. Мы выделяем основные характеристики, присущие классической концептуализации субъекта: прозрачность сознания, рациональность, целостность, активность, осознанная свобода действия. Предполагалось, что в процессе познания возможно элиминировать все личностные и присущие эмпирическому субъекту характеристики для адекватного познания окружающей его действительности.

Нами рассматривается позиция Канта в отношении века Просвещения и показывается, что Кант отмечает новый тип установки автономного субъекта, возникший в Новое время, когда вопрошается не только мир вокруг него, но и сам субъект. Парадигмальным примером классической концептуализации концепта субъекта является трансцендентальный субъект по Канту. Трансцендентальный субъект рассматривался как носитель общезначимых структур, с помощью которых он организует опыт вокруг себя. То есть этот общезначимый субъект оказывался связанным с субъектом эмпирическим, который мог выступать как субъект познания, нравственности, политики. Предполагалось, что в каждом эмпирическом субъекте присутствует единый трансцендентальный субъект, служащий основанием познания и единства опыта. Соответственно, эмпирический субъект являлся носителем определённых

априорных категорий, которые делали его субъектом трансцендентальным и тем самым обеспечивали общезначимость его познания.

В пятом параграфе первой главы рассматривается описание неклассической философии в её связи с проектом деконцептуализации субъекта. Симптоматическими персонажами разрыва двух порядков разума – классического и неклассического – оказываются три фигуры Ницше, Фрейд и Маркс. Именно эти три мыслителя одними из первых указали на принципиальную зависимость субъекта от объекта, от внешнего, от контекста его существования. Нами описываются принципиальные моменты философских концепций Ницше, Фрейда и Маркса и показывается, что благодаря их деятельности произошел отказ от классического концепта субъекта.

Вслед за М. Мамардашвили, Э. Соловьёвым, В. Швырёвым мы показываем изменение положения фигуры интеллектуала в рамках неклассической философии по сравнению с классической философской ситуацией. Помимо этого, были указаны определённые разочарования в идеалах века Просвещения, в классической философии и классическом концепте субъекта. Сюда относится и кризис в основаниях фундаментальных наук, и появление антифундаменталистских эпистемологий, и проект деконцептуализации субъекта. Под деконцептуализацией мы понимаем отказ от классической концепции субъекта. Это уже не универсальный субъект классической нововременной философии, наделённый рациональностью, рефлексивностью – подобного рода субъект оказывается зависим от внешних, то есть объективных по отношению к самому субъекту, факторов. Здесь заложена основная проблема, способствующая, по нашему мнению, переходу от деконцептуализации к реконцептуализации – необходимость вменения ответственности. Критики проекта деконцептуализации обратили внимание, что последовательная линия деконцептуализации в пределе лишает субъекта ответственности за его поступки. Это оказывается неприемлемым и практически, и теоретически, поэтому понадобилась программа реконцептуализации субъекта.

В шестом – заключительном – **параграфе первой главы** нашего диссертационного исследования ставится проблема постнеклассики. Если классическая концепция субъекта связана с классической философией, а деконцептуализация с неклассической, то логично предположить, что реконцептуализация субъекта связана с постнеклассической философией. Нами формулируется и анализируется ряд проблем, связанных с подобного рода рассмотрением философской истории.

В первой главе диссертационного исследования были рассмотрены два проекта концептуализации субъекта – проект классической философии и проект критики концепта субъекта классической философии, предпринятый философией неклассической. Концептуализация субъекта существует в определенного рода контексте, она отвечает на «вызов» конкретной эпохи. Именно поэтому нами был рассмотрен философский контекст существования двух проектов концептуализации субъекта, которые учитываются при его реконцептуализации.

В первом параграфе второй главы мы проблематизируем понимание субъекта в рамках плоских онтологий. Здесь происходит значительный пересмотр представлений об онтологии, которая теперь придаёт нечеловеческим объектам равный статус с человеческими. Равноправными признаются объекты любой природы: природные, вымышленные и искусственно созданные человеком. Нами рассматривается четыре варианта ответа на онтологический вопрос «что всё-таки существует?» в рамках реконструкции истории онтологии, предпринятой А. Ветушинским: парменидовский, атомистический, корреляционистский и ответ плоской онтологии. Можно утверждать, что четвертый тип ответа оказывается, следуя словам Л. Брайанта, освобождением объекта от субъекта – он называет всё объектами и уравнивает все эти объекты между собой. Нами рассматривается несколько вариантов преодоления «корреляционизма» (К. Мейясу), «философии доступа» (Г. Харман). Рассматриваются различные импликации акторно-сетевой теории (АСТ) в рамках современных философских исследований онтологии. Показывается, что

субъект больше не является для них центром мира, не является чем-то привилегированным. Субъект рассматривается в ряду объектов как равноценный и равнозначный. Субъект может быть не только человеком, а представлять какое-то не-человеческое образование.

Во втором параграфе второй главы мы выделяем несколько принципиальных моментов относительно реконцептуализации субъекта, которые, в пределе, в рамках пересмотра понимания субъекта нам необходимо «сшить». Нашей задачей является концептуальный пересмотр классического проекта субъекта и проекта его деконцептуализации – и так выявляются необходимые для проекта реконцептуализации концептуальные ресурсы. С одной стороны, мы оставляем субъекта, только отмечаем, в след за А. Бадью, что субъект современного проекта оказывается асубстанциален, историчен, временен и конечен. С другой стороны, субъект является эффектом внешних объективных влияний, но полностью к ним не сводится. Именно благодаря разного рода интериоризированным социокультурным ресурсам и инструментам, субъект становится субъектом. Тем самым, субъективация выстраивается таким образом, что предполагает субъекта, способного свободно выбирать свою субъектность из множества противоречивых вариантов и инструментов.

В третьем параграфе второй главы мы анализируем различные концепции становления субъекта субъектом через определенное внешние влияние. В рамках этого параграфа описываются концепции Альтюссера и Батлер, которые предполагают, что субъект является результатом различного рода властных практик и дискурсов. В этих концепциях власть оказывается не просто тем, чему мы противостояем (как субъект объекту в классическом их понимании, когда субъект спокойно мог отказаться своим активным, свободным и волевым решением от действия объекта), а тем, от чего мы практически полностью зависим в нашем существовании. Этот внешний относительно нас объект мы изначально не выбираем – он оказывается первичным⁴⁴ по отношению

⁴⁴ В данном случае мы имеем в виду первичным по отношению к нашей активной деятельности в плане

к последующей деятельности субъекта. Это означает одновременное становление субъектом и становление субординированным, подчинённым по отношению к власти. И именно благодаря этому внешнему влиянию, субъект формируется как субъект, но к этому внешнему он не сводится.

В четвертом параграфе второй главы мы разбираем концептуализации субъекта по отношению к власти, отвечая на вопрос откуда, собственно говоря, берётся субъект? Как субъект может производиться? И Батлер, и Альтюссер отмечают, что властные практики, властный зов направлен на уже существующего субъекта. Тем не менее, пока субъект не признаёт властного воздействия, он не является субъектом. Все властные дискурсы и практики направлены на субъекта, который предположительно уже существует и знает, как на них реагировать – окликаться на окрик полицейского: «гражданин» или «гражданка». К кому адресуются в данном случае властные инстанции? Существует ли субъект до интерпелляции, под которой понимается процесс властного формирования субъекта, когда человек становится одновременно субъектом и подчиненным властью?

Здесь мы рассматриваем два тезиса, которые хотим совместить. Первый тезис заключается в том, что, несмотря на объективную детерминацию субъекта объектом (в данном случае властных эффектов, которые реализуются в языке и повседневных практиках, например, обращение полицейского к гражданину), субъект в рамках проектов реконцептуализации переосмысливается и не сводится к объекту, который его детерминирует. В нашем случае – несмотря на действие власти, полностью субординированным властью субъект не оказывается. Всегда возникает некоторый излишек, который не позволяет сводить субъекта к объективирующим его эффектам.

Второй тезис – властные практики уже всегда обращаются к субъекту как сформированному и субординируемому – тем самым формируя и субординируя субъекта. Без этой объективной и объективирующей деятельности не существовало бы субъекта, то есть деятельность по объективации необходимым

категоризации окружающей нас действительности в терминах, представленных государством.

образом порождает некоторый остаток – субъекта.

Мы утверждаем, что субъект конституируется благодаря действующим на него субъективирующим его силам. Субъект оказывается зависим в своём существовании от этих сил – именно они порождают его субъектность. Тем не менее, мы утверждаем, что субъект – неожиданный разрыв: разрыв порядка сборки, разрыв порядка действия, разрыв порядков власти; определенный разрыв между универсальным и партикулярным, способным проявлять свою собственную субъектность, несмотря на властную субординированность. То есть, субъект способен действовать самостоятельно, быть творцом новых, доселе не существовавших ситуаций.

В пятом параграфе второй главы мы рассматриваем один из вариантов генеалогии субъекта, предложенный Ж. Лаканом, – «стадию зеркала». В рамках «стадии зеркала» субъект утверждает самого себя в непосредственном контакте с Другим. «Стадия зеркала» описывает воображаемую идентификацию субъекта, когда субъект в буквальном смысле видит свой целостный и прозрачный образ в другом или в Большом Другом, под которым Лакан понимает символический порядок, то есть всеохватывающий «объективный дух» надындивидуальных социолингвистических структур (например, Бог, природа, история и т.д.). Этот образ оказывается с одной стороны, внешним, а с другой стороны, внутренним. Он является конструирующим и конституирующим для субъекта в рамках его воображаемой идентификации.

В шестом параграфе второй главы формулируется проблема пересборки субъекта как способ его реконцептуализации в рамках современной философской ситуации. Термин «пересборка» заимствуется у Б. Латура из работы «Пересборка социального», где он показывает, каким образом можно пересобирать «социальное», рассматривая последнее не как нечто уже собранное и устойчивое, а как процесс конструирования его из различных, зачастую неожиданных элементов. По аналогии с тем, как Латур рассматривает «социальное», мы рассматриваем субъекта в силу того, что субъект представляет собой одно из явлений социального, он формируется благодаря

социокультурному контексту. Субъект рассматривается не классически, а как формирующийся, как собранный из разнообразных «плагинов», а значит, могущий быть пересобранным самостоятельно или при помощи внешних сил. Он вбирает в себя определённые внешние по отношению к нему «плагины», ассимилирует их и, тем не менее, не превращается в объект, который безвольно действует согласно предустановленным программам. Напротив, субъект способен действовать рационально и выбирать из множества запрограммированных вариантов один или несколько. Более того, субъект предполагает создание доселе не существовавших ситуаций. Субъект – это то, благодаря чему мы переходим из множества контекстов его формирования к событию появления субъекта как субъекта. Это значит, что субъект, для того чтобы пересобрать себя, должен для начала стать субъектом. Он формируется под внешним воздействием, потому что не может себя переформировывать до своей «сборки». Собранный же субъект может обратиться к себе, к собственному устройству и, в пределе, пересобраться.

В седьмом параграфе второй главы обсуждается проблема постсекулярности. Нами предполагается, что субъект состоит не только лишь из различного рода психогенетических особенностей, но и из различных социокультурных ресурсов, элементов, инструментов, которые он интериоризирует. Из этого набора субъект, предположительно, может пересобрать самого себя. Поэтому для того, чтобы погрузить наше исследование в контекст проекта реконцептуализации субъекта – то есть выявить социокультурные инструменты, основания и предпосылки названного проекта, мы обратимся к проблеме постсекулярного.

Проблематика постсекулярности стала активно обсуждаться в 90-е годы XX века на фоне кризиса идеи секулярного. Считалось, что секуляризация и модернизация должны идти рука об руку друг с другом. Просвещение и возрастание роли наук в общественном сознании должны были, как это мыслилось просветителями, привести человека к новому, внерелигиозному мышлению. Тем не менее, это не привело к ожидаемым результатам – процесс

секуляризации не смог вытеснить религию. Соответственно, пошла речь о постсекулярной ситуации и даже более – о постсекулярном обществе в целом.

Религия в трактовках секулярных мыслителей эпохи Просвещения рассматривается как историчная, сконструированная именно человеческим разумом и отступающая под критикой позитивных наук. В рамках ситуации постсекулярного мы видим смещение дискурса с ориентации на преодоление религиозного мышления к его восстановлению на новых основаниях. А это означает переосмысление религии и религиозного. Согласно Ю. Хабермасу, если некогда считалось, что философия должна воздерживаться от рационализированной критики религии – и в силу этого религия оказывалась за пределами действия разума, то в постсекулярную эпоху фокус смещается на определение разумных пределов разума и веры. Соответственно, меняется определённая установка субъекта по отношению и к религии, и к разуму – субъект, согласно Жижеку, оказывается ограничен не только в сфере религии, но и в сфере разума, что не приводит к исчезновению представлений об Абсолюте. Постсекулярное в общем случае означает, что проект Просвещения нуждается в переосмыслении, потому что программа секуляризации оказалась не очень успешна. Просвещенческое секуляризованное представление оказалось не работающим применительно к субъекту. Соответственно, проект реконцептуализации субъекта предполагает собирание субъекта в рамках постсекулярного мышления.

В восьмом параграфе второй главы нашего диссертационного исследования рассматривается переосмысление субъекта, предпринятое Э. Левинасом. Левинас является критиком и классического концепта субъекта, и его неклассической деконцептуализации. В свои размышления он вводит телесность и Другого. Субъект в учении Левинаса оказывается телесен, встроен в материальный мир и, что главное в рамках нашего исследования, зависим от этого внешнего, объективного, материального мира. Субъект оказывается зависим от сущего: сущее, а не бытие даёт ему пищу, чтобы продолжать существование; работа даёт ему средства для продолжения своего

существования; другие люди дают ему стимул и мотивацию, чтобы жить дальше. Левинас выстраивает субъекта именно из события встречи с Другим, но, одновременно с этим, утверждает необходимость присутствия в самой структуре субъекта возможности для того, чтобы субъект смог *считать* это событие, этого абсолютно инакового Другого.

Для Левинаса важным оказывается вопрос о становлении субъекта. Он утверждает, что субъект происходит из анонимного хаоса \bar{il} у а. Π у а – это безличное бытие, мрак, тьма до всякого субъекта. Самостоятельно полагая себя, субъект выделяется из безличного хаоса \bar{il} у а. Соответственно, возникнув из анонимного хаоса, он оказывается вынужденным существовать. Получается, что он зависим от сущего вокруг него, от места и времени, в котором он существует. Субъект Э. Левинаса буквально «поедает» сущее, находящееся вокруг него.

Важным моментом для существования субъекта является встреча с Другим. Другой не подлежит употреблению – Другой совершенно не подвластен воле субъекта. И именно в Другом, в той дистанции, что пролегает между ним и субъектом, обнаруживается фигура Бога. В лице, в лике Другого, по утверждению Левинаса, мы видим Бога.

В девятом – заключительном – параграфе второй главы мы рассматриваем две концепции преодоления классического гуманизма, а именно: ингуманизм и постгуманизм. В современной ситуации классическое гуманистическое понимание человека распадается, оно оказывается нерелевантным в силу того, что оно является ограниченным только европейским типом мышления – на место всеобщего встаёт частное. Здесь мы рассматриваем возможности концептуализации субъекта как человека в рамках современной ситуации постгуманизма, которую необходимо учитывать при переосмыслении субъекта. Соответственно, постчеловеческое представляет сложный континуум природы и культуры. Этот континуум и является маркером всей постгуманистической теории. Речь идёт о кардинальном расширении понятия «человек» за счёт определённых культурных/материальных артефактов. В

последние десятилетия возникло некоторое новое постгуманистическое направление, которое состоит в разрушении связи между человеческим субъектом и определённым гуманистическим универсализмом, характерным для классического гуманизма. Постгуманизм в разных версиях призывает к ответственности за конкретные индивидуальные действия отдельного человека или отдельного сообщества, а не предписывает действия определённым безличным структурам, например, таким как исторический процесс или прогресс человеческого разума и рациональности. Человек перестаёт быть универсальным идеалом, а оказывается локализованным в пространственно-временные социокультурные контексты и, самое важное, постоянно изменчивым конструктом и несёт ответственность за конкретную конфигурацию/пересборку, которую он сделал или не сделал. Оказалось, что человек лишен всех присущих ему гуманистических/природных характеристик, которые являются лишь социокультурным конструктом, а не «человеческой природой». Соответственно, различные варианты постгуманизма требуют пересмотра концепта человека и концепта субъекта и замену его на нечто новое. Одними из основных вариантов нового типа гуманизма являются ингуманизм Р.Негарестани и постгуманизм Р.Брайдотти. Для обоих исследователей важным оказывается отказ от фундаментальных предпосылок Просвещения по отношению к гуманистическому Человеку. Из их перспективы можно утверждать, что постгуманистическая критика стремится не утверждать дальнейший кризис концепта человека, а разработать альтернативные варианты сборки и концептуализации человеческого субъекта. Мы предполагаем учитывать эти основные моменты постгуманистической теории в рамках проекта реконцептуализации субъекта, расширяя концепт субъекта за счёт «нечеловеческого» в широком смысле, то есть культурных и материальных артефактов. С развитием науки и современных технологий происходит и изменение человеческой субъектности – человек как субъект может пересобираться за счёт разного рода имплантов, операций, программ, то есть «не-человеческих» элементов, которые формируют и в каком-то смысле

предопределяют дальнейшую жизнь пересобранного субъекта.

Во второй главе рассматривался социокультурный контекст ситуации реконцептуализации субъекта. Были обсуждены плоские онтологии, проблема постсекуляризации, постгуманизма. Отдельно были рассмотрены концепции возникновения субъекта у Альтюссера, Батлер и Левинаса. Обсуждалась проблема формирования субъекта в результате влияния внешних по отношению к субъекту сил.

В первом параграфе третьей главы данного диссертационного исследования была поставлена проблема эгологии в связи с проектом реконцептуализации субъекта. Эгология представляет собой «я»-доктрину, то есть доктрину, целью которой является объяснение, почему я есть я. Эта доктрина предполагает: если я называю себя «я», то есть использую фразы типа «я человек», «я студент», «я полицейский», то я, предположительно, должен знать, каково это быть человеком, студентом или полицейским. То есть перед тем, как назвать кого-то кем-то, я должен понимать, что обозначает «быть» для какой бы то ни было вещи. Рассматривается концепция Ж.-Л. Мариона в свете его интерпретации его у Августина как одного из способов пересборки субъекта в рамках проекта реконцептуализации, который, вслед за Августином, вводит концепт *memoria*, который позволяет одновременно говорить и о памяти, и о сомнении. Память, в данном случае, является тем, с помощью чего субъект идентифицирует самого себя. Марион пытается выстроить неинтенциональную феноменологию памяти, желания: мы бессознательным образом помним о незапамятной блаженной жизни; о присутствии той жизни счастье. И бессознательная память об этом событии, бессознательное желание самого желания служат конституирующим для концепта субъекта Мариона. Но можно ли выстраивать идентичность субъекта не по отношению к прошлому, а по отношению к будущему?

Во втором параграфе третьей главы мы рассматриваем способ реконцептуализации субъекта через будущее Событие пришествия, предложенный К. Мейясу. Мейясу оставляет субъектно-объектную дихотомию,

но лишает ее налета субъектализма (термин, используемый самим Мейясу и означающий перенос некоторых черт человеческой субъектности на окружающую человека реальность), т.е. субъект оказывается не главной субстанцией, согласно которой распределяются все формы сущего. Инаковость бытия совершенно неподвластна субъекту, который оказывается одним из объектов контингентного, т.е. безосновной фактичностью мира. Но субъект обладает мышлением, с помощью которого он может познавать внешний по отношению к нему мир. В этом и заключается неметафизический пафос концепции Мейясу. Он хочет освободить субъекта из метафизических уз заикленной на Абсолюте и на Субъекте онтологии, оставляя доступ к неметафизическому Абсолюту и неметафизическому Богу (которые оказываются неметафизическими, согласно Мейясу, в силу отказа от принципа достаточного основания), чтобы сохранить этическое основание для дальнейшего действия субъекта. Для этого абсолютизируется контингентность и говорится о грядущем пришествии Бога. В этом и заключается этико-оптимистический потенциал концепции Мейясу – субъект выстраивается по отношению к будущему Событию, которое еще не наступило, но оснований для того, чтобы его не ждать, у нас нет.

В третьем параграфе третьей главы речь идёт о различии между субъектом и объектом как конституирующем элементе самого субъекта. Если бы не различались между собой субъект и объект, если бы между ними не было бы отношений, то мы не могли бы говорить ни о субъекте, ни об объекте. В рамках проекта реконцептуализации важно сохранить различие между субъектом и объектом, не концентрируясь ни на одной из крайностей, как это было в рамках деконцептуализации субъекта, где субъект заменялся объектом. Мы предполагаем, что субъект самостоятельно устанавливает отношения и различие между собой и объектом, тем самым, конституируя и пересобирая себя. Ассимилируя контекст, с которым субъект вступает в отношения, субъект оказывается источником различий.

Соответственно, субъект представляет собой становление, которое

вступает в отношения с социокультурным контекстом, с другими субъектами, с сущностями, с которыми он сосуществует. В этом смысле можно говорить о системном эффекте сети множества отношений и различий, результатом которого является субъект. Важным остаётся описать то, как этот системный эффект возникает, то есть ответить на следующий вопрос: почему субъект всё-таки существует?

В четвёртом параграфе третьей главы мы рассматриваем концепт События как базовый для онтологии XX века, пытаюсь ответить на вопрос о происхождении субъекта. В основном мы концентрируем наше внимание на концептуализации События, предпринятой А. Бадью, потому что для Бадью Событие оказывается важным конституирующим элементом в генеалогии субъекта. Бадью выделяет два конститутивных элемента своей философской системы: Бытие и Событие. Бытие оказывается связанным со знанием, «посчитанным», то есть тем, что мы можем описать математически. Событие же, напротив, принадлежит к совершенно иному измерению – измерению не-Бытия, потому что оно никак не может быть сосчитано или замечено из перспективы «возможного», то есть из перспективы порядка Бытия. Бытие представлено консистентным множеством, то есть «ситуацией» (например, современное российское общество, искусство эпохи Возрождения). Событие же связывается с избытком ситуации, то есть с тем, что не может быть репрезентируемо в рамках нашего знания о ней. Событие – это некоторое новое начало, которое, с одной стороны, не принадлежит к Бытию-до него, но, с другой стороны, и не принадлежит к Бытию-после. Событие является промежуточной зоной. Ни один объем знания не позволяет предсказать появление События. Именно в контексте События Бадью говорит о субъекте. «Оператором» События оказывается субъект (например, какое-то политическое или художественное движение), который распознаёт следы свершившегося События и может осуществлять его за счёт своей верности. Субъект служит Событию (как революционеры продолжают Событие революции) и, тем самым, приобретает свою субъектность.

Можно предположить, что субъект проектом реконцептуализации субъекта тоже должен рассматриваться как событие. Ведь событие служит «точкой сборки» разрозненных элементов ситуации, оно подводит их под некоторое единство. Являясь локальным актом, субъект – это то, благодаря чему происходит переход из состояния множественности к определённому состоянию субъекта. Субъект представляет собой набор многообразных компонентов, которые контингентным образом берутся (самим субъектом в зависимости от его целей и ценностей, внешними силами, например идеологией в зависимости от его собственных конечных интересов) из организованного порядка. Поэтому можно сделать вывод, что субъект в момент некоторого действия собирается за счёт события. Одновременно с этим, субъект проводит различие между собой и объектом.

Можно утверждать, что субъект не формируется в стерильных условиях: каждый субъект, если мы говорим, например, о человеке как о субъекте, живёт в конкретной семье с какими-то контингентными персонажами и предметами. Событие, в таком случае, можно описывать как определённого рода зацикливание «герменевтического круга» субъекта, то есть, из этих складывающихся конфигураций контекстов возникает субъект, который опознаётся как субъект государством, универсализируется, то есть считается вполне всеобщим и равным другим субъектам несмотря на то, что формируется в каких-то конкретных частных условиях. И это событие условного «рождения» субъекта как гражданина. Но может произойти и второе «рождение», связанное с осознанием субъектом себя как субъекта, то есть с возможностью свободно пересобирать себя из тех частных конфигураций и взаимодействий, из которых этот субъект формируется.

В пятом – заключительном – параграфе третьей главы нашего диссертационного исследования мы рассматриваем топологию Ж. Лакана как способ представления субъекта проекта реконцептуализации. Эта топология не обнаруживает никакого центра в субъекте, но, тем не менее, обнаруживает некоторую связку, узел, который, на первый взгляд, вводит целостность и

цельность субъекта. Тем не менее, узел так устроен, что не предполагает ядра субъекта. Нами рассматриваются стандартные топологические фигуры Ж. Лакана: Борромеев узел, трискель, лента Мёбиуса. Делается вывод, что узлы завязаны из различных компонентов, которые, тем не менее, предполагают какую-то временную и локальную целостность, которую мы, предположительно, и можем называть субъектом.

Таким образом, мы наметили основные линии реконцептуализации субъекта в связи с проблемой пересборки субъекта. Мы указали на принципиальную недостаточность проекта деконцептуализации – доведённый до предела он предполагает отсутствие субъекта вменения ответственности. Пересборка рассматривалась нами как способ переосмысления субъекта в рамках современной философской ситуации. Соответственно, субъект проекта реконцептуализации видится нам как некий сложный комплекс, в том смысле, что одна встроенная в субъект конфигурация цепляется за другую и формируется то, что мы называем субъектом. В этой конфигурации различных контекстов и сил отсутствует ядро (в качестве неизменной и автономной сущности), то есть то, вокруг чего эта конфигурация собирается и может пересобирааться. Несмотря на отсутствие чётко выделенного центра, устойчивость поддерживается за счёт сцепления всех этих внешних интериоризированных конфигураций как системный эффект, как событие. Именно поэтому подходящим кажется пример лаканианских узлов. Концепт узла Лакана не предполагает «центрального управления», узел держится сам по себе за счёт сцепки входящих в него элементов. Субъект оказывается зависимым от внешних объективных сил, от внешнего контекста, который оказывается конституирующим для субъекта проекта его реконцептуализации. Однако, несмотря на это, субъект способен пересобирать себя за счёт собственных целей, ценностей, установок, так и за счет внешних мощных сил.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова (в журналах, включенных в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В.Ломоносова):

- 1) Карнеев Р. Р. Концепция векторного субъекта К. Мейясу // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1. С. 78–81 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,144/0,121).
- 2) Карнеев Р. Р. Проект реконцептуализации субъекта: незавершённая сборка // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 1. С. 7–19 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,192/0,368).
- 3) Карнеев Р. Р., Мухортов А. С. Реконцептуализация субъекта и критика Просвещения⁴⁵ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. Т. 70. № 1. С. 128–136 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,233/0,284).
- 4) Карнеев Р.Р., Мухортов А.С. Философия как практика: духовные упражнения и создание концептов⁴⁶ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. Т. 73. № 4. С. 125–129 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,233/0,284).
- 5) Карнеев Р. Р. Рецензия на книгу Джеймса Скотта «Искусство быть неподвластным» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. Т. 54. № 1. С. 205–210 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,233/0,284).

^{45, 46} Авторский вклад соискателя в данных работах составляет не менее 50% общего объема текста.